

### Образ «свой» – «чужой» в языковом сознании бурят: экстралингвистический и лингвистический компоненты (на материале бурятского языка)

Г. А. Дырхеева

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия*

#### Аннотация

Цель статьи – выявить специфику дихотомии «свой» – «чужой» в бурятской лингвокультуре. Методы: описательный, сравнительный, ассоциативный эксперимент и др. Показана значимость оппозиции при анализе национального самоопределения бурят, их билингвизме и др. Представлен анализ автостереотипа *буряад* ‘бурят’, ассоциативных полей *өөрын* ‘свой’ и *хариин* ‘иностранный, чужой’. Выявлено, что оппозиция обладает универсальными и национально-специфическими признаками, связанными со стереотипами в языковом сознании соответствующими высказываниями и словами, и что для бурят важнейшими являются кровнородственные, этнические и языковые проявления данной оппозиции.

#### Ключевые слова

свой, чужой, бурятский язык, русский язык, ассоциативный эксперимент, гештальт

#### Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

#### Для цитирования

Дырхеева Г. А. Образ «свой» – «чужой» в языковом сознании бурят: экстралингвистический и лингвистический компоненты (на материале бурятского языка) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55). С. 175–185. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-175-185

### The “Us” versus “Them” dichotomy in the linguistic consciousness of the Buryats: extralinguistic and linguistic components (a case study of the Buryat language)

G. A. Dyrkheeva

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch  
of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation*

#### Abstract

The “Us” versus “Them” dichotomy serves as a fundamental, universally recognized category that manifests in various domains of human existence. The study of this category is therefore intrinsically linked to the challenge of mutual understanding, which is an issue of particular contemporary relevance. This article aims to identify the nationally specific linguistic and extralinguistic components that characterize the category under study within Buryat linguoculture. The research methodology incorporates descriptive and comparative methods, an associative experiment, and semantic gestalt analysis. The significance of the dichotomy is demonstrated through an examination of national self-identification, native language knowledge, the role of bilingualism, the “own dialect” versus “other dialect” distinction, and the contrast between the Buryat and Mongolian languages. A concise lexical analysis is conducted focusing on the autostereotype *buryad* (Buryat) and the associative fields of the adjectives *өөрын* (one’s own) and *khariin* (foreign, alien, outsider), offering insights into how native speakers of the Buryat language perceive the dichotomy in question. The findings indicate that

© Г. А. Дырхеева, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 3 (Вып. 55)

Yazyki i Fol’klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55)

in the Buryat linguoculture, the dichotomy possesses certain relatively stable features, both universal and nationally specific. These are associated with stereotypes embedded in the linguistic consciousness through corresponding expressions and words. It can be concluded that for the Buryats the most significant manifestations of the dichotomy are those grounded in kinship, ethnicity, and language.

*Keywords*

the “Us” versus “Them” dichotomy, Buryat language, Russian language, associative experiment, gestalt

*Acknowledgments*

The article was prepared within the framework of a state assignment (project “The Human World in Mongolian Languages: Analysis of Means of Expressing Emotivity”, No. 121031000258-9).

*For citation*

Dyrkheeva G. A. *Obraz “svoy” – “chuzhoy” v yazykovom soznanii buryat: ekstralingvisticheskiy i lingvisticheskiy komponenty (na materiale buryatskogo yazyka)* [The “Us” versus “Them” dichotomy in the linguistic consciousness of the Buryats: extralinguistic and linguistic components (a case study of the Buryat language)]. *Yazyki i Fol’klor Korennikh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 3 (iss. 55), pp. 175–185. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-175-185

## Введение

Окружение человека, в основном, бывает неоднородным, поэтому дихотомия «свой» – «чужой» является универсальной вневременной категорией, пронизывающей все стороны человеческой жизни. Данная оппозиция является основой первичной классификации и оценки явлений окружающего мира. Соответственно, она проявляется в политике, психологии, этике, социальной, культурной сферах жизни человека. Активизация данной семантической оппозиции особенно усиливается в случае межнациональных контактов. Очень ярко она проявляется в начальный период этнического взаимодействия и практически не исчезает, а может лишь в определенные периоды затухать, нивелироваться.

Вызванная часто экстралингвистическими причинами оппозиция «свой» – «чужой» обязательно находит свое отражение в языке. Самый яркий пример: человек, говорящий в чужом обществе на языке этого общества, воспринимается как свой. В лингвистике термин «свой» – «чужой» становится все более популярным [Смирнов 1995; Балясникова 2003; Мочкина 2007; Падерина 2021; Арекеева 2023; и др.].

Многомерная природа дихотомии «свой» – «чужой» позволяет исследовать ее в различных аспектах. В частности, мы рассматриваем экстралингвистический <sup>1</sup> и лингвистический аспекты.

### Экстралингвистический аспект исследования дихотомии «свой» – «чужой»

Одним из основных компонентов данного аспекта является приверженность людей к родному языку, который в сознании большинства людей является главным элементом культуры, позволяющим сохранять свою национальную идентичность.

Каковы же современные процессы национального самоопределения бурят и роль языка в этом процессе, является ли бурятский язык основным признаком бурятской нации, точнее, какие мнения по этому поводу существуют сегодня? Поскольку от ответа на эти вопросы во многом зависят и подходы к решению проблем бурятского языка, рассмотрим, как на этот вопрос отвечают исследователи. Большинство из них согласны с мнением, что «язык есть та неотчуждаемая принадлежность любого народа, то культурно-природное наследие, в котором находит выражение его идентичность, самосознание и самобытность. Вне всякого сомнения, именно язык следует считать доминантным признаком этноса. Все другие – общность территории, государственность, социальное устройство – по отношению к языку признаки сопутствующие. Исчезнет язык – уйдет в небытие и народ, говоривший на нем» [Нерознак 1992: 3].

При опросах же выясняется, что, например, бурят роднят с их национальностью чаще «культура, природа, земля», но не язык. Общеизвестно, например, что показателем витальности языка,

<sup>1</sup> В данном случае под экстралингвистикой подразумевается совокупность этнических, социальных, исторических и множество других факторов, связанных с развитием языка. Поскольку природа этого понятия также многомерна, как и природа оппозиции «свой» – «чужой», основное внимание в статье уделено ее социальной, социолингвистической, значимости, а именно анализу национального самоопределения бурят, знанию ими родного языка, роли билингвизма, дихотомии «свой диалект» – «чужой диалект», оппозиции «бурятский язык» – «монгольский язык».

наряду с количеством говорящих на нем, их соотношением с общей численностью данной этнической группы, является использование его молодым поколением. Что касается проблем современной самоидентификации бурят и роли языка в этом процессе, то, например, социолингвистические опросы среди молодежи в Республике Бурятия в 1999–2000 гг. показали, что при выявлении факторов общности бурят язык оказался на втором месте (54,4 %) по степени значимости после культуры, обычаев, традиций (79 %) [Дырхеева 2002: 90]. Для многих из них переход на общегосударственный русский язык – сознательный добровольный выбор. Последние опросы [Дырхеева 2023: 26] показывают, что многие молодые люди не видят перспективы бурятского языка. Можно также отметить, что для них знание языка родителями более значимо, чем индивидуальное владение им.

При этом понятно, что уровень национально-языкового сознания не всегда соответствует уровню национального самосознания. Необходимо также учитывать, что развитие сознания человека почти всегда отстает от развития объективной реальности, и при рассмотрении подобных проблем необходимо учитывать психологический фактор.

Очевидно, что наиболее ярко оппозиция «свой» – «чужой» проявляется в случае двуязычия, отношения к своему и чужому языку. Обычно в случае восприятия языка человеком она воплощается в отношениях «родной язык» – «язык другого народа», при этом считается, что «свое» должно получать положительную оценку, а «чужое» восприниматься как чуждое. Однако, как показывает история, в случаях взаимодействия языков может происходить смена мотиваций престижа: мотивация престижа «в глазах своих» и «в глазах чужих» [Вахтин 2001: 233–243].

Интересен в этом плане пример И. Г. Балханова, который рассматривается в связи с проблемой языковой социализации мигрантов из традиционного сельского общества в модернизированное, более престижное городское, а также в связи с ролью языка в данном процессе. Данные, полученные методом включенного наблюдения (респондент – городская бурятка с высшим образованием, плохо владеющая родным языком, была вынуждена сменить род занятий и заняться перекупкой мяса на колхозном рынке), достаточно ярко демонстрируют, насколько сложно могут выстраиваться межличностные отношения на почве владения / невладения языком.

*«С другой стороны, есть моменты, не менее важные в нашем бизнесе, которые мне, человеку с высшим образованием и коренной улан-удэнке, дают возможность доминировать среди коллег. Речь идет о том, что из-за отсутствия элементарных знаний, а также плохого знания русского языка, особенностей стиля поведения им бывает трудно выстраивать отношения с контролирующими органами или, допустим, с администрацией рынка... То есть способ ведения своих дел способствует различного рода злоупотреблениям в отношении к ним со стороны рядовых чиновников. Хотя то, чего они добиваются с таким трудом, должно делаться элементарно. Сейчас я среди них в этом отношении своего рода лидер, консультант, эксперт. Я сама практически не владею бурятским языком, так как выросла в городе, и пришла в этот бизнес сравнительно недавно. Отношение ко мне некоторое время было враждебным. Я для них была чужая» (Здесь и далее выделено мною – Г. Д.). Из-за незнания бурятского языка я часто попадала в неприятные ситуации. Допустим, утром при закупке мяса его владельцы начинают договариваться со мной по-бурятски. Я отвечаю им по-русски и прошу их также вести разговор на русском. Тогда они подходят к моим конкурентам и без подобных проблем сдают им свое мясо. А я остаюсь ни с чем.*

*Сейчас ситуация для меня выглядит несколько иначе. Закупкой мяса непосредственно я не занимаюсь. Мне в этом помогают мои коллеги-конкуренты. Я же, в свою очередь, решаю их проблемы в других областях. И второй момент, связанный непосредственно с процессом реализации мяса. Мои коллеги проявляют в этом порой невероятную негибкость, несмотря на то, что конкуренция в мясных рядах очень жесткая. Лично у меня у первой среди всех появилась своя клиентура. Дело в том, что первый основной вопрос, который задает покупатель, касается цены. Мои коллеги, если к ним обращается бурят, отвечают строго по-бурятски, при этом прекрасно понимая, что многие из городских не владеют родным языком. На первый взгляд, это мелочь, но в торговле мелочей не бывает. Затем, из-за неумения говорить на хорошем русском, они могут рекламировать свой товар только по-бурятски, что также сужает слой потенциальных покупателей. Меня вначале удивляла их негибкость, даже какая-то вредность именно в том, что потенциальному покупателю бурятской национальности они считают своим долгом отвечать исключительно по-бурятски, несмотря на то, что тот обращается к ним первым по-русски, т. е. давая понять, что русский язык для него более приемлем.*

*Но сейчас ситуация все-таки меняется. Конкуренция свое берет. Люди начинают меняться. И знаете, что я заметила: меняются те, кто старается копировать мой стиль работы. Хотя это звучит, может быть, нескромно, но люди ко мне тянутся, советуются, еще раз повторяю, стараясь*

*копировать мой стиль во всем. Однако есть среди коллег и такие, кто осуждает меня. Причем я иной раз сама не могу разобраться, в чем дело. Вначале мне казалось, что из-за того, что я более удачлива в этом бизнесе, хотя выросла в городе. Но сейчас мне кажется, что дело тут еще в том, что больше всего им не нравится во мне **моя ассимилированность**» [Балханов 2002: 82–83].*

Несомненно, что оппозиция «свой» – «чужой» проявляется в характере народа. Национальная психология, менталитет – одни из важнейших внутренних факторов формирования межнациональных отношений, отношения народа к своей культуре, природе, обычаям, религии, воспитанию, хозяйственному укладу и, естественно, к языку – основному и ярчайшему признаку национальной культуры.

Как отмечает И. Э. Елаева [1997], среди доминант современной этнической идентичности бурят на первом месте стоит «открытость» бурятского этноса как этносоциальной системы для внешних влияний. Степень незамкнутости бурятской культуры помимо воздействия геополитического фактора в не меньшей степени определялась историей межэтнических отношений в регионе и религиозным фактором. Именно фактор «открытости» играет решающую роль в общем процессе ассимиляции бурятского народа, в частности в утрате, потере им родного языка. Известно, что историческое развитие народа, культурно-политические условия существования во многом определяют его отношение к своему языку, языковому развитию. В отличие от некоторых народов, также длительное время находившихся в контактах (а иногда и в борьбе) с соседними народами, для бурят не характерны пуризм, отстаивание своей культурной самобытности, ревностное отношение к языку. Они активно приобщаются к современным цивилизационным процессам, урбанизируются, что способствует утрате, нивелировке национального быта, культуры, хотя они прочно владеют достаточным объемом духовных, культурных традиций, которые подпитываются культурными связями с монголоязычными народами. В истории бурят не было крупных войн или вековой борьбы за выживание, насильственной этнической ассимиляции. Это наложило отпечаток на психологию народа, которому свойственны космополитизм, приверженность общим широким национальным интересам. Как отметила одна из респонденток (русская по национальности), буряты сами виноваты в том, что теряют родной язык и переходят на русский язык. В Якутске, например, знание якутского языка было престижным еще до революции, как французский при дворе. Многие ссыльные отлично знали якутский язык. Якуты, например, не только между собой, но и при встрече с любым азиатом, в случае, если они их не представили, сразу начинают разговор на якутском языке. У бурят же не принято в присутствии иноязычных говорить на родном языке, при этом наблюдается так называемое явление «переклочкивания кода».

### **Лингвистический аспект исследования дихотомии «свой» – «чужой»**

Часто среди носителей того или иного языка, в которых за основу литературной формы взят один из диалектов и он как бы наделяется свойством эталонности, возникает «лингвистическая ревность». Как считает Ш. Б. Чимитдоржиев, в данном случае затрагивается проблема престижности того или иного диалекта, и прав Б. Я. Владимирцов, который писал, что литературный язык, базирующийся на одном из собственных диалектов, со стороны носителей других диалектов вызывает неприятие, что мы и наблюдаем сегодня, когда «общественные функции бурятского литературного языка с каждым днем сужаются, а разговорная речь все более превращается в русско-бурятский жаргон» [Чимитдоржиев 1999: 45]. Носители же западных диалектов, например, не могут читать периодику и книги на бурятском литературном языке, основанном на хоринском восточном диалекте, не всегда понимают носителей других диалектов, что отчасти способствует переходу на русский язык общения.

То есть существует противопоставление «свой диалект» – «чужой диалект». Возможны даже случаи, когда носители разных диалектов при общении посмеивались, причем не очень доброжелательно, друг над другом, когда оказывалось, что одно и то же слово имело разное значение. Как отмечал в устной беседе профессор В. И. Рассадин, ни у одного другого народа подобное не наблюдается.

Определение статуса идиома во многом зависит от внеязыковых факторов, в том числе от этнического самосознания пользующегося им социума. В отношениях «группа – этнос», «этнос – этнос» и т. д. могут преобладать тенденции притяжения и тенденции отталкивания, что часто влияет на определение статуса языка. При этом реальное лингвистическое сходство или

несходство идиомов может игнорироваться [Перехвальская 1995: 115]. Здесь очень важен фактор престижа или непрестижа родственного языка: финский – карельский, бурятский – монгольский, молдавский – румынский и т. д.

Что касается оппозиции «бурятский язык» – «монгольский язык», то, согласно отечественным лингвистическим меркам, бурятский язык является самостоятельным, национальным языком. Однако интересное мнение зарубежных монгольских ученых относительно идентификации бурят было высказано на Международном семинаре «Байкальский регион и геополитика Центральной Азии: история, современность и перспектива» (20–23 января 2003 г., п. Энхалук) Амаржаргал, когда она спросила, почему буряты называют себя и калмыков монголоязычными народами, ведь вы же монголы? Также в выступлении лингвиста У. Мандуху из Внутренней Монголии Китая было отмечено, что бурятский язык они считают бурятским диалектом монгольского языка [Мандуху 2022].

Собственно в языке оппозиция «свой» – «чужой» обычно проявляется в увеличении репрезентантов понятий «чужой», «странный», «непонятно говорящий» в этнологической фразеологии, пословицах, поговорках (*непрошенный гость хуже татарина, что русскому здорово, то немцу смерть* и др.), в анекдотах. В частности, у бурят про детей, которые только начинают лепетать, говорят *хятадаар хэлэнэ* ‘говорит по-китайски’.

Для бурят, помимо этнонациональных, диалектных противопоставлений, оппозиций типа «литературный язык – диалект – говор» достаточно важным является установление происхождения, рода или места их рождения, что обычно выясняется с помощью первого вопроса при знакомстве: *Ши хаанаһаа б ши?* ‘Откуда ты?’. И если следовать Г. Гачеву, то первым, главным вопросом кочевых народов будет «Откуда ты?» или «Чей ты?» [Гачев 2003: 9], и это, скорее всего, связано именно с кочевым образом жизни.

Лексика является основным языковым уровнем, где проявляются особенности национального менталитета. Как справедливо отмечает Д. Б. Сундуева, «для речевого поведения представителей бурятской национальности в рамках родного языка, а в настоящее время и русского, не характерно широкое употребление резких оценочных слов, категоричных суждений. Буддийское вероисповедание, совместная жизнь с другими народами в суровых климатических условиях способствовали развитию таких нравственных основ характера, как внутренний самоконтроль, терпимость, взаимоуважение» [Сундуева 2005: 132–135]. Подтверждением тому служит также проведенный ею анализ группы слов, обозначающих характеристику лиц по национальной принадлежности, используемых молодежью. В частности, было установлено, что во внелитературных подъязыках широко представлены лексические единицы: *мангадушка*, *мангадяра*, *ородушка* ‘русская’, *даг*, *дагер* ‘дагестанец’, *ара*, *хачик* ‘армянин’, *чурки*, *горные* ‘представители среднеазиатских и закавказских республик’, *хохол* ‘украинец’, *бурмян* – обозначение лиц, рожденных от смешанных браков бурятских женщин и армян, *китаёза* ‘китаец’ и др., большинство из которых имеют хождение на всей территории России. Представленные в русской речи бурят лексемы, обозначающие лиц кавказской национальности, в речи билингва не обладают ярко выраженным пейоративным значением.

Слова *мангадяра*, *ородушка*, образованные с помощью русских суффиксов *-яр(а)* и *-ушк(а)*, иллюстрируют в большей степени стремление молодежи к экспрессии, новизне, нежели являются проявлением негативной коннотации. Например:

*В Улановке учиться конечно интереснее // Но мы в Читаго тоже не скучаем // По выходным / если домой не уезжаем / отрываемся по полной программе // Недавно я ходил на дискач / на бурдэнс // Встретил одноклассников // Музыка что надо была // Классно повеселились короче // Ородушек много пришло / педовских (Информант 3, 19 лет).*

*Цындыма приезжала на каникулы // В Питере учится // в Полярке / изменилась здорово // Разговаривает в основном по-русски / новые приколы / все такое // Вообще стала мангадушка (Информантка 4, 18 лет).*

Зафиксированная в данных случаях семантика слов *мангадушка* и *ородушка* характеризует представителей бурятской национальности, не знающих родного языка, они используются с неодобрительной коннотацией.

Попытка выявить специфику проявления национальных особенностей дихотомии «свой» – «чужой» на лексическом уровне была также проведена нами с помощью ассоциативного анализа [Дырхеева 2020].

Тест на основе 84 слов-стимулов, включающих слова различных тематических групп и частей речи на двух языках – бурятском и русском, был проведен в 2009–2010 гг. В список слов-стимулов были включены базовые константы-концепты, в которых заложены универсальные и национальные ценности. В связи с задачами эксперимента были выделены лексические сферы, категории, наиболее ярко отражающие видение мира бурят, в том числе, связанные с отражением оппозиции «свой» – «чужой», это слово-этноним *буряад* ‘бурят’, прилагательные *өөрын* ‘свой’ и *хариин* ‘иностранный чужой, чужак’.

Одним из внешних проявлений оппозиции «свой» – «чужой» может служить этническое самоназвание или этноним. Анализ особенностей автостереотипа *буряад* ‘бурят’ [Дырхеева 2020: 84–96] позволил, в частности, выявить, что наиболее характерным представлением о себе на родном языке является представление о национальном единстве, родной земле: *яһатан* (11)<sup>2</sup>, *яһан* (3), *манай яһатан* ‘наш народ, наша нация’, *минии яһатан* ‘мой народ’, *зон* ‘народ’ (2), *нютаг* ‘родное место, родные кочевья, родина, улус’, *нютаагархин* ‘одноулусники, земляки’ (3), *то-онто* ‘послед, плацента, место рождения’, *уг гарбалтай* ‘происхождение, предки’, *хонгоодоор* ‘хонгодор (одно из бурятских племен)’. В группу ассоциатов – представлений о себе вошли также *нуудэлшэ* ‘кочевник’, *морин эрдэни* ‘конь-сокровище’, *мяхан* ‘мясо’, заимствованное *традици* ‘традиция’ и др.

Интересно, что представления о себе на родном языке и на русском различаются незначительно. Так, в группу ассоциатов на бурятском языке вошли такие оценочные характеристики, как *хара* ‘черный, смуглый’ (2), *маяа* ‘кривоногий’, *набтар* ‘приземистый, малорослый’, *удаан* ‘медлительный’, которые касаются в основном внешних характеристик, причем некоторые имеют отрицательную коннотацию. Русскоязычные реакции в основном совпадают с автостереотипами на бурятском: *народ*, *народность*, *национальность*, *нация*, *нация скуластая*, *земляк*, *сородичи*, *сосед*, *этнос*. В сумме они составляют более половины всех реакций. Дополнительными являются следующие представления о себе: *традиции*, *юрта* (2), *борец*, *конь*, *кочевник*, *культура*, *отара*, *скотовод*, *стадо*, *степь*, *табун*, *хэлэн* ‘язык’. При этом эмоционально-оценочные репрезентанты на русском языке имеют преимущественно положительную коннотацию: *хитрый* (5), *умный* (4), *гордость* (2), *гордый*, *добрый*, *изворотливый*, *красота*, *мудрость*, *разный характер*, *ум*, *хитрость*, *хороший парень*, *когда трезв*. Возможно, это связано с более критичным отношением к себе в высказываниях между «своими» и желанием выглядеть лучше со стороны «чужих».

Для выявления специфики ассоциативного поля *ӨӨРЫН* ‘свой’ был использован анализ его семантического гештальта, который признается как один из наиболее эффективных при исследовании этнокультурных особенностей национально-языковых картин мира [Караулов 2000].

Ассоциативное поле (АП) на бурятском языке выглядит следующим образом:

**ӨӨРЫН:** *минии* ‘мой’ (25), *гэр* ‘дом’ (9), *аба* ‘отец’ (7), *айл* ‘семья, дом’, *хүн* ‘человек’ (6), *манай* ‘наш’ (4), *түрэл* ‘родня, родственники, родственник’, *үхибүүн* ‘ребенок’, *һанаан* ‘мысль, дума, намерение’ (3), *бэе* ‘тело’, *зөөри* ‘имущество’, *унтари* ‘постель’, *хэрэг* ‘дело’ (2), *бодол* ‘мысль’, *болгохо* ‘делать, ставить’, *бэеын* ‘телесный’, *дайда* ‘земля’, *дүтын* ‘близкий’, *дүтэ* ‘близкий’, *дүшэ* ‘правнук’, *единоличник* ‘единоличник’, *минии үеын* ‘мой по возрасту, ровесник’, *могой* ‘змея’, *мүшэн* ‘звезда’, *нютаг* ‘родное место, родина, улус’, *ойро* ‘вблизи, близкий’, *өөрын бэишэ* ‘не мой’, *сүмкэ* ‘сумка’, *тала* ‘степь, сторона, место’, *угол* ‘угол’, *үбгэ эсэгын* ‘дед’, *үхин* ‘девушка, ребенок’, *хуби заяан* ‘доля, судьба, удел’, *хубсаһан хүн* ‘одежда человек’, *хүбүүн* ‘сын, мальчик’, *хүн хубсаһан* ‘человек одежда’, *хүнэй юумэн* ‘вещи человека’, *һанал* ‘мнение’ (1) [86 + 36 + 25]<sup>3</sup>.

<sup>2</sup> В скобках указана частота ответа-реакции на слово-стимул, при совпадении частот она указывается в конце группы слов-ассоциатов с данной одинаковой частотой. Для реакций с частотой 1 она не указывается.

<sup>3</sup> Первая цифра – общее количество реакций, вторая – число разных реакций, третья – количество реакций с частотой 1.

В данном ассоциативном поле можно выделить следующие гештальтные зоны:

1) персоналии: *аба* 'отец' (7), *айл* 'семья, дом', *хүн* 'человек' (6), *түрэл* 'родня, родственники, родной', *үхибүүн* 'ребенок' (3), *дүшэ* 'правнук', *минии үеын* 'мой по возрасту, ровесник', *үбгэ эсэгийн* 'дед', *үхин* 'девушка, ребенок', *хубсаһан хүн* 'одежда человек', *хүн хубсаһан* 'человек одежда', *хүнэй юумэн* 'вещи человека', *хүбүүн* 'сын, мальчик' (итого: 33 реакции);

2) взаимозаменяемые или эквивалентные лексемы: *минии* 'мой' (25), *манай* 'наш' (4) (итого: 29 реакций);

3) собственность, принадлежность: *гэр* 'дом' (9), *бэе* 'тело', *зөөри* 'имущество', *унтари* 'постель', *хэрэг* 'дело' (2), *бэеын* 'телесный', *дайда* 'земля', *сүмкэ* 'сумка', *угол* 'угол', *хуби заяан* 'доля, судьба, удел' (итого: 22 реакции);

4) слова мыслительной деятельности: *hanaan* 'мысль, дума, намерение' (3), *бодол* 'мысль', *hanal* 'мнение' (итого: 5 реакций);

5) прочие: *болгохо* 'делать, ставить', *могой* 'змея', *мүшэн* 'звезда', *единоличник* 'единоличник' (итого: 4 реакции);

6) пространство (расстояние): *дүтын* 'близкий', *дүтэ* 'близкий', *ойро* 'вблизи, близкий' (итого: 3 реакции);

7) место, локус: *нютаг* 'родное место, родина, улус', *тала* 'степь, сторона, место' (итого: 2 реакции);

8) антоним: *өөрын бэшэ* 'не мой' (1 реакция).

Расположение зон определяется суммарной частотой входящих в них слов-реакций. Слова в зоне упорядочены по алфавиту и частоте, которая приводится в конце группы с одинаковой частотой (если частота слова равняется единице, она не указана). После их перечисления в скобках показана общая частотность слов данной зоны.

Основными ментальными и языковыми компонентами-гештальтами лексемы *өөрын* являются «персоналии» (33), причем основную часть (20) составляют лексемы, обозначающие родственные отношения, то есть, как и в случаях анализа других ассоциативных полей и ядра языкового сознания [Дырхеева 2020: 106], подтвердилась важность для бурят семейных уз, родственных отношений. Значительными по объему являются зоны «взаимозаменяемые или эквивалентные лексемы» и имеющие значение «собственности, принадлежности». Специфичным является выделение четвертой зоны – слов мыслительной деятельности: для бурят характерна актуализация ментально-мыслительной деятельности человека. Данная особенность была также отмечена при анализе понятия *hэихэл* 'совесть' [Дырхеева 2024].

Русскоязычное АП лексемы *свой* имеет следующий вид.

**СВОЙ:** *родной* (14), *дом*, *человек* (10), *близкий*, *мой*, *чужой* (5), *наш* (4), *собственность* (3), *близкий, личный, ребенок, частный* (2), *для тебя, друг, другому не дам, замок, земля, имидж, круг, личное, мобильник, мое, не чужой, образ, работа, род, родня, собственный, счет, твой, человек родной, язык* (1) [84 + 32 + 20].

Гештальт на русском языке выглядит следующим образом:

1) взаимозаменяемые, близкие по значению или эквивалентные: *родной* (14), *близкий, мой* (5), *наш* (4), *близкий, личный* (2), *личное, не чужой, собственный, мой* (итого: 33 реакции);

2) собственность, принадлежность: *дом* (10), *собственность* (3), *замок, земля, мобильник, счет* (итого: 17 реакций);

3) персоналии: *человек* (10), *ребенок* (2), *друг, родня, человек родной* (итого: 15 реакций);

4) прочие: *частный* (2), *для тебя, другому не дам, круг, работа, род, язык* (итого: 8 реакций);

5) антоним: *чужой* (5), *твой* (итого: 6 реакций);

6) внешность: *имидж, образ* (итого: 2 реакции).

Как видим, три первые зоны гештальта на обоих языках совпадают, однако очередность их различается. Можно отметить, в первую очередь, разнообразие содержания первой зоны, что говорит о богатстве средств выражения отношения близости в русском языке. Очевидно также,

что, как и во многих других случаях [Дырхеева 2020: 51], русскоязычная зона «персоналии» оказалась менее частотной<sup>4</sup> и в ней практически отсутствуют лексемы, выражающие близкородственные отношения. Кроме того, на особенности ассоциативных связей, как и во многих других случаях, сказались структурно-семантические особенности бурятского языка. Например, к ним относится конверсия типа *түрэл* ‘родня, родственники, родной’, отнесение которых к соответствующей зоне в каждом конкретном случае рассматривались индивидуально.

Слово *хариин*<sup>5</sup> многозначное и определяется как ‘чужой, чуждый, иноземный’. Соответственно, и его АП достаточно разнообразное.

**ХАРИИН:** *хүн* ‘человек (в словосочетании – иностранец)’ (17), *хэлэн* ‘язык’ (10), *ондоо* ‘другой’ (8), *ондоо гүрэнэй* ‘другого государства’, *холын* ‘дальний’ (7), *гүрэн* ‘государство’ (6), *бэри* ‘невестка’ (3), *айлшан* ‘гость’, *басаган* ‘девочка, девушка’, *газар* ‘земля’, *хүбүүн* ‘мальчик, сын’, *хармаа* ‘кушанье’, *холын хүн* ‘человек издалека’ (2), *американ хүн* ‘американец’, *буса* ‘другой, иной’, *дайда* ‘земля, место, местность’, *дайсан* ‘враг’, *зон* ‘народ’, *нүхэр* ‘друг’, *ондоо тээхи* ‘из другого’, *ондоо юумэ* ‘другая вещь’, *талын* ‘степной’, *танил бэшэ* ‘незнакомый’, *тиимэ* ‘такой’, *тиихэдэ* ‘тогда, в тот раз’, *хүн зон* ‘народ’, *хурьгэн* ‘зять’, *холо* ‘далеко’, *хубсаһан* ‘одежда’, *хэрэлдээн* ‘ссора’, *эндиин* ‘вероятно, разговорный вариант от эндэ – эндэхин ‘здешний’ (1) [88 + 31 + 18].

Выделены следующие зоны гештальта:

1) персоналии: *хүн* ‘человек, иностранец’ (17), *бэри* ‘невестка’ (3), *айлшан* ‘гость’, *басаган* ‘девочка, девушка’, *хүбүүн* ‘мальчик, сын’, *холын хүн* ‘человек издалека’ (2), *американ хүн* ‘американец’, *дайсан* ‘враг’, *зон* ‘народ’, *нүхэр* ‘друг’, *хүн зон* ‘народ’, *хурьгэн* ‘зять’ (итого: 34 реакции);

2) прочие: *хэлэн* ‘язык’ (10), *гүрэн* ‘государство’ (6), *хармаа* ‘кушанье’ (2), *дайсан* ‘враг’, *хэрэлдээн* ‘ссора’, *тиимэ* ‘такой’, *тиихэдэ* ‘тогда, в тот раз’, *хэрэлдээн* ‘ссора’ (итого 23 реакции);

3) взаимозаменяемые, эквивалентные: *ондоо* ‘другой’ (8), *буса* ‘другой, иной’, *ондоо тээхи* ‘из другого’, *танил бэшэ* ‘незнакомый’ (итого 11 реакций);

4) собственность, принадлежность: *газар* ‘земля’ (2), *дайда* ‘земля, место, местность’, *ондоо юумэ* ‘другая вещь’, *хубсаһан* ‘одежда’ (итого 5 реакций);

5) пространство (расстояние): *талын* ‘степной’, *холо* ‘далеко’ (итого 2 реакции);

6) антоним: *эндиин* ‘вероятно, разговорный вариант от эндэ – эндэхин ‘здешний’ (итого 2 реакции).

Гештальтные зоны *өөрын* и *хариин* отличаются от русскоязычной *свой* тем, что в них очередность по частотности почти совпадает, самыми частотными являются реакции «персоналии», «эквиваленты», «собственность, принадлежность». Скорее всего, данный факт свидетельствует о достаточно жесткой структуре оппозиции «свой» – «чужой» в языковом сознании бурят. Интересно, что *хариин* ‘чужой’ чаще всего относится именно к чужому человеку, самая высокая частота (17) у *хүн* ‘человек, иностранец’<sup>6</sup>, то есть значение оппозиции здесь в основном связано с социальной группой, *чужой* является представителем другой группы, это базовое активное значение характерно для большинства культур и языков. При этом можно отметить, что отрицательные реакции или слова с негативной коннотацией для характеристики чужих здесь отсутствуют. Интересно также, что реакция *хэлэн* ‘язык’ встречается в зонах *свой* и *хариин* и отсутствует в *өөрын*, что объясняется тем, что *свой язык* по-бурятски будет *мини хэлэн*, то есть *өөрын* заменяется на эквивалентное *мини* ‘мой’.

<sup>4</sup> Можно предположить, что в данном случае русскоязычное сознание бурят близко к языковому сознанию русских. Однако в связи с отсутствием стимула *свой* в «Русском ассоциативном словаре» [1994] сравнение провести не удалось.

<sup>5</sup> Очевидно, что здесь, как и во многих других случаях, наблюдается несовпадение лексико-семантических полей. В связи с тем, что в ходе эксперимента русскоязычное АП было представлено на параллельное значение *хариин* ‘иностранец’, ассоциативные поля на бурятском и русском языках оказались существенно различными и не поддающимися сравнению. Кроме того, в связи с отсутствием соответствующих АП в «Русском ассоциативном словаре», к сожалению, также не было возможности сравнить их между собой и, соответственно, выявить степень близости в данном случае языкового русскоязычного сознания бурят-билингвов по отношению к языковому сознанию русских.

<sup>6</sup> О значимости лексемы «человек» во всех АП и в языковом сознании бурят см. [Дырхеева 2020].

### Заключение

Вариации и формы языкового проявления дихотомии «свой» – «чужой» многообразны, специфичны для каждого языка и культуры, имеют большое научное и практическое значение. Исследователи сходятся во мнении, что задача описания национальной самобытности непосредственно связана с проблемой взаимопонимания, которая особенно остро ощущается в наше время, когда, с одной стороны, по словам Г. Гачева, «народы мира максимально сближаются по образу жизни, быту, производству, культуре, а с другой – обостряется национальная чувствительность» [Гачев 2003: 59]. Незнание или неучет данных особенностей может повлечь достаточно серьезные последствия при межъязыковом взаимодействии.

Дихотомия «свой» – «чужой» является универсальной когнитивной базой, характер функционирования которой определяется культурой, а также психическими процессами. Специфика различий зависит от культурных и языковых особенностей, она связана с формированием этнического самосознания, социальным поведением. Как и многие другие языковые элементы, данная оппозиция характеризуется определенной аффективной (эмоциональной) окрашенностью.

Как показал анализ, в бурятской лингвокультуре данная оппозиция также обладает достаточно устойчивыми универсальными и национально специфическими признаками, которые связаны со стереотипами, закрепленными в языковом сознании соответствующими высказываниями и словами. Как и по другим параметрам, для бурят в данном случае важнейшими являются кровнородственные, этнические и языковые проявления данной оппозиции.

### Список литературы

- Арекеева Ю. Е. Репрезентация оппозиции «свой» – «чужой» в языковой картине (на материале русского и китайского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2023. 21 с.
- Балханов И. Г. Двужычие как фактор маргинализации // Двужычие в Бурятии: новые аспекты изучения. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С. 72–88.
- Балясникова О. В. «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 33 с.
- Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 337 с.
- Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 541 с.
- Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 188 с.
- Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: особенности трансформации языкового сознания (по результатам ассоциативного эксперимента). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. 236 с.
- Дырхеева Г. А. Детский бурятско-русский билингвизм: динамика социолингвистических изменений // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. № 2. С. 20–28.
- Дырхеева Г. А. Семантический гештальт понятия *hэшхэл* 'совесть' в языковом сознании бурят-билингвов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 2. С. 93–98.
- Елаева И. Э. Тезисы к докладу на Ученом совете Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 1997 г.
- Караулов Ю. Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл. (Москва, 1–3 июня 2000 г.). М., 2000. С. 107–108.
- Мандуху У. Средневековый монгольский и бурятский языки // Мир Центральной Азии. Т. IV. Ч. 1. Языки. Фольклор. Литература: Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С. 88–89.
- Мочкина В. Х. Отношения «свой» – «чужой» в межэтнических коммуникациях // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник. Вып. 8. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2007. С. 39–42.
- Нерознак А. П. Язык охраняется законом // Русская речь. 1992. № 2. С. 3–9.
- Падерина Т. С., Сюэ Б. Этническое своеобразие концепта «свой-чужой» в языковом сознании русских и китайцев // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 3 (27). С. 13–17.

Перехвальская Е. В. Статус идиома и этническое самосознание // Этническое и языковое самосознание: Мат-лы конференции (Москва, 13–15 декабря 1995 г.). М., 1995. С. 115–116.

Русский ассоциативный словарь. Кн. 1 / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. М., 1994. 224 с.

Смирнов Ю. И. Противопоставление «свой – чужой» и множественность форм самосознания // Этническое языковое самосознание: Мат-лы конференции (Москва, 13–15 декабря 1995 г.). М., 1995. С. 133–134.

Сундеева Д. Б. Бурятско-русское двуязычие в Агинском Бурятском автономном округе: социолингвистический аспект. Чита: ЧитГУ, 2005. 181 с.

Чимитдоржиев Ш. Б. Возрождение бурятской культуры в контексте развития монгольского мира // Материалы «Круглого стола и выездного заседания Комитета Народного Хурала Республики Бурятия по международным и региональным связям, национальным вопросам, делам общественных организаций и религиозных объединений по вопросу «О ходе реализации Концепции государственной национальной политики Республики Бурятия (предпринятые действия, проблемы и пути дальнейшей реализации)». Улан-Удэ, 1999. С. 44–47.

## References

Arekeeva Yu. E. *Reprezentatsiya oppositsii "svoiy – chuzhoy" v yazykovoy kartine (na materiale russkogo i kitayskogo yazykov)* [Representation of the opposition "friend or foe" in the language picture (based on the Russian and Chinese languages)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Chelyabinsk, 2023, 21 p. (In Russian)

Balkhanov I. G. *Dvuyazychie kak factor marginalizatsii* [Bilingualism as a factor of marginalization]. In *Bilingvizm v Buryatii: novye aspekty izucheniya* [Bilingualism in Buryatia: new aspects of study]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2002, pp. 81–84. (In Russian)

Balyasnikova O. V. *"Svoiy-chuzhoy" v yazykovom soznanii nositeley russkoy i angliyskoy kul'tur* ["Friend-Foe" in the linguistic consciousness of native speakers of Russian and English cultures]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2003, 33 p. (In Russian)

Chimitdorzhiev Sh. B. *Vozrozhdenie buryatskoy kultury v kontekste razvitiya mongolskogo mira* [Revival of Buryat culture in the context of the development of the Mongolian world]. In *Materialy "Kruglogo stola i vyezdnogo zasedaniya Komiteta Narodnogo Khurala Respubliki Buryatiya po mezhdunarodnym i regionalnym svyazym, natsional'nym voprosam, delam obschestvennykh organizatsiy i religioznykh obedineniy po voprosu "O khode realizatsii Kontseptsii gosudarstvennoy politiki Respubliki Buryatiya (predprinyatye deystviya, problem i puti dal'neyshey realizatsii)"* [Materials of the "Round table and visiting meeting of the Committee of the People's Khural of the Republic of Buryatia on international and regional relations, national issues, affairs of public organizations and religious associations on the issue "On the progress of the implementation of the Concept of the state national policy of the Republic of Buryatia (actions taken, problems and ways of further implementation)"]. Ulan-Ude, 1999, pp. 44–47. (In Russian)

Dyrkheeva G. A. *Buryatskiy yazyk v usloviyakh dvuyazychiya: osobennosti transformatsii yazykovogo soznaniya (po rezul'tatam assotsiativnogo eksperimenta)* [Buryat language in the context of bilingualism: features of the transformation of linguistic consciousness (based on the results of an associative experiment)]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2020, 236 p. (In Russian)

Dyrkheeva G. A. *Buryatskiy yazyk v usloviyakh dvuyazychiya: problem funktsionirovaniya i perspektivy razvitiya* [Buryat language in the context of bilingualism: problems of functioning and development prospects]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2002, 188 p. (In Russian)

Dyrkheeva G. A. *Detskiy buryatsko-russkiy bilingvizm: dinamika sotsiolingvisticheskikh izmeneniya* [Children's Buryat-Russian bilingualism: dynamics of sociolinguistic changes]. *Vostochnyy vektor: istoriya, obshchestvo, gosudarstvo* [Oriental Vector: History, Society, State]. 2023, no. 2, pp. 20–28. (In Russian)

Dyrkheeva G. A. *Semanticheskiy geshtal't ponyatiya heshkhel 'sovest' v yazykovom soznanii buryat-bilingvov* [Semantic gestalt of the concept of heshkhel 'conscience' in the linguistic consciousness of bilingual buryats]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics]. 2024, no. 2, pp. 93–98. (In Russian)

Elaeva I. E. *Tezisy k dokladu na Uchenom sovete Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN* [Theses to the report at the Academic council of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS]. 1997. (In Russian)

Gachev G. *Mental'nosti narodov mira* [Mentality of the peoples of the world]. Moscow, Eksmo, 2003, 541 p. (In Russian)

Karaulov Yu. N. Semanticheskiy geshtal't i obrazy soznaniya [Semantic gestalt of the associative field and images of consciousness]. In *Yazykovoe soznanie: sodержanie i funktsionirovanie: 13 Mezhdunar. simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii: tez. dokl. (Moskva, 1–3 iyunya 2000 g.)* [Linguistic consciousness: content and functioning: 13th International symposium on psycholinguistics and communication theory: abstracts (Moscow, June 1–3, 2000)]. Moscow, 2000, pp. 107–108. (In Russian)

Manduhu U. Srednevekovyi mongol'skiy i buryatskiy yazyki [Medieval Mongolian and Buryat languages]. In *Mir Tsentral'noy Azii* [The world of Central Asia]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2002, vol. IV, pt. 1: Yazyki. Fol'klor. Literatura: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Languages. Folklore. Literature: Proceedings of the international scientific conference], pp. 88–89. (In Russian)

Mochkina V. Kh. Otnosheniya “svoy” – “chuzhoy” v mezhetnicheskikh kommunikatsiyakh [Relationships “own” – “other” in interethnic communications]. In *Etnosotsialnye protsessy v Sibiri: Tematicheskii sbornik* [Ethnosocial processes in Siberia: thematic collection]. Novosibirsk, Sibirskoe nauchn. izd., 2007, iss. 8, pp. 39–42. (In Russian)

Neroznak A. P. Yasyk okhranyaetsya zakonom [Language is protected by law]. *Russkaya Rech'* [Russian Speech]. 1992, no. 2, pp. 3–9. (In Russian)

Paderina T. S., Syue B. Etnicheskoe svoeobrazie kontsepta “svoy-chuzhoy” v yazykovom soznanii russkikh i kitaytsev [Ethnic originality of the concept “own-other” in the linguistic consciousness of Russians and Chinese]. *Russian Linguistic Bulletin*. 2021, no. 3 (27), pp. 13–17. (In Russian)

Perekhval'skaya E. V. Status idioma i etnicheskoe samosoznanie [Status of idiom and ethnic self-awareness]. In *Etnicheskoe i yazykovoe samosoznanie. Materialy konferentsii (Moskva, 13–15 dekabrya 1995)* [Ethnic and linguistic self-awareness: Conference proceedings (Moscow, December 13–15, 1995)]. Moscow, 1995, pp. 115–116. (In Russian)

*Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary]. Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov et al. (Eds.). Moscow, 1994, bk. 1, 224 p. (In Russian)

Smirnov Yu. I. Protivopostavlenie “svoy – chuzhoy” i mnozhestvennost' form samosoznaniya [The “own – other” contrast and the multiplicity of forms of self-awareness]. In *Etnicheskoe i yazykovoe samosoznanie. Materialy konferentsii (Moskva, 13–15 dekabrya 1995)* [Ethnic and linguistic self-awareness: Conference proceedings (Moscow, December 13–15, 1995)]. Moscow, 1995, pp. 133–134. (In Russian)

Sundueva D. B. *Buryatsko-russkoe dvuyazychie v Aginskom Buryatskom avtonomnom okruge: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Buryat-Russian bilingualism in the Agin-Buryat autonomous okrug: sociolinguistic aspect]. Chita, ChitSU, 2005, pp. 132–135. (In Russian)

Vakhtin N. B. *Yazyki narodov Severa v 20 veke. Ocherki yazykovogo sdviga* [Languages of the peoples of the North in the 20th century. Essays on language shift]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2001, 337 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию  
The manuscript was submitted on  
05.03.2025

#### Сведения об авторе – Information about the Author

Галина Александровна Дырхеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела языкознания, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Galina A. Dyrkheeva – Doctor of Philology, Principal Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

[an5dag1@mail.ru](mailto:an5dag1@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-3477-6280>